

ИСТОРИКИ –
дети Великой войны

воспоминания

Память о военном времени

- Идея записать и представить воспоминания историков о **довоенном и военном детстве** принадлежит моей маме, Ирине Сергеевне Пичугиной - в прошлом сотруднице Института всеобщей истории РАН, которая весь период войны провела в Москве, и которая говорит, что по сей день ей трудно понять, «как выжили» и «как победил»....

Михаил Николаевич Кузьмин

- *«Индивидуальная память вмещает в себя гораздо больше, нежели содержание собственного неповторимого опыта – в человеке всегда совмещаются индивидуальная и коллективная память»*
- Морис Хальбвакс (1877-1945), французский философ, социолог, автор концепции социальных рамок памяти, погибший в Бухенвальде. Воспоминания обладают двойкой ценностью: являясь источником различных, порой, уникальных исторических сведений, они вместе с тем всегда **субъектны и субъективны** – не отторжимы от личности автора.
- *Каждое поколение переосмысливает, пересматривает, переакцентирует отечественную историю сообразно своим ценностям, с которой приходит и целями, которые став*

Михаил Кузьмин с братом, нездолго до начала войны

*Воспоминания – это труд,
особый труд., причем в большей
мере труд души, чем памяти.....
Воспоминания больше похожи на
перемещение в другое
пространство, переключение на
ритмику другого времени,
переход на миропорядок другого
календаря (М.Н.Кузьмин)*

Надеемся:

- успеть зафиксировать образ войны, оставшийся в детской памяти старшего поколения историков, гуманитариев – последнего поколения ее очевидцев;
- сохранить память о времени – его событиях, его общем духе;
- осветить роль семейного домашнего детства, которое продолжало выполнять важнейшие защитные и воспитательные функции, помогая детскому сознанию в выработке генерального вектора отношений «я и мир»;
- память домашнего детства выступает хранителем исходных установок мироощущения, местом обитания первых смыслов.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ:

- как сохранять память, предназначенную для публичного восприятия, тем более, память о военном времени?
- возможно ли соединять письменные воспоминания и устную историю?
- как собирать подобный материал, в частности, есть ли предпочтения свободным нарративам или структурированным интервью?
- как память **интерпретировать** – особенно, в условиях мемориального бума в социально-гуманитарных науках последних двадцати лет – ожидать ли или, тем более, требовать, от текстов историков, гуманитариев обязательной оценки прошлого или, напротив, позволить каждому повествованию звучать именно так, как хотел бы того автор?
- какие ценности и практики формировали детскую повседневность, какова была картина мира, как воспитывались дети, как их спасали – и как видится им сегодня?

ПОМНИТЬ!

- речь идет о сакральном в самом истинном смысле этого слова события;
- завет поколениям;
- - ценнейший исторический, этнографический, социологический источник;
- - личные истории **вне** профессионального контекста
- - и **в** профессиональном контексте.

Методологически мы оказываемся:

- между биографическим исследованием и тем, как оно трактует сингулярность носителя биографии, и изучением жизненного пути, в большей степени зависящем от социально-структурных признаков с акцентом на выявление повторяемости. [Е. Рождественская]
- В итоге – цитируя В. Томаса и Ф. Знанецки, «личностные сообщения о жизни – полные, насколько возможно – представляют лучший тип социологического материала»

Рамки

- изначально заданные – первый и последний день войны;
- скорее расширенные, причем самым естественным образом – история семьи и обращение к будущему;
- разные ракурсы и акценты: определяющее событие, истории жизни, истории семьи, истории спасения, зарисовки;
- от структурированного или полуструктурированного интервью до «свободно протекающего диалога» (Алессандро Портелли);
- уникальность или типичность опыта

Интерпретации:

- привычка не ворошить прошлое и не задавать вопросы к нему
- ограждение частного пространства
- опасение публичности
- **профессиональная ответственность** – *не могу судить о времени – не моя тема;*
- **профессиональная отрешенность** – сознательное отделение себя от историка, антрополога, социолога;
- ощущение себя ребенком;
- **профессиональная чуткость** позволяет одновременно даже в этнографических описаниях быта, повседневности доверяться своей памяти о своем детстве, но не навязывать личную оптику прошлого

И все же: РЕФЛЕКСИИ И ОЦЕНКИ

- от сентиментальных и трогательных воспоминаний о довоенном детстве до очевидных отзвуков страха;
- от этнографических детали повседневности до рассуждений;
- от явного замалчивания травмы (упоминание и ничего более) до более откровенных описаний трагических событий – и во время, и до войны;
- от глобальных (понятие *мирного времени* или *страна опрокинута* или эпохи «великих молчальников») до более частных;

Нинель Саввишна Полищук, 12 лет, Борисоглебск

Санаторий, Одесса, 1937

Во втором ряду вторая справа

В ожидании войны

- Я жила в другой среде, и мы ждали войну всё время. У нас было ощущение, что война неизбежна. Между прочим, в пятых классах (и младших тоже) всем выдали детские противогазы и учили, как с ними обращаться. Атмосфера в воинских частях была напряженная. Особенно в Киевском военном округе. Харьковский был вторым эшелоном.
- Детей старались уберечь от разговоров о войне. Когда у нас появились танкисты, я сказала, что непременно буду танкистом. Мне это казалось интересным и не опасным. Я считала, что если на лошади сидишь, тебя убьют сразу. А в танке ты, как в доме, защищен от всех. Смешно, конечно. Родители сказали – «ну, вот, вырастешь, тогда, может, и танкистом будешь, а может, какие-нибудь новые войска появятся, и они больше тебе понравятся».

НС с сестрой и папой, 1940. Семья Полищук

- Хатка

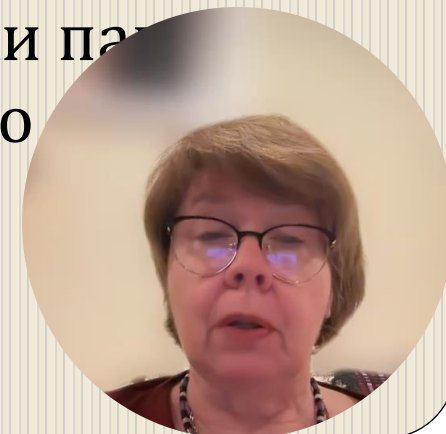

Борисоглебск, Новый год, 1941

Накануне

21 июня вечером родители были в ДК на спектакле (гастроли какого-то театра), Меня в тот раз почему-то с собой не взяли. Я сидела дома надутая и обиженная. Вдруг зазвонил телефон и попросили папу. Я сказала, что он в ДК. Вскоре позвонили из штаба и снова попросили папу. Через несколько минут позвонили в третий раз. Голос знакомый. Звонит начальник штаба, который был отцом моей подруги и приятелем моих родителей. «Неля, где папа?». «Они пошли на спектакль, а меня не взяли». «Бегом беги в ДК, только потихоньку, чтобы никто не обратил на тебя внимание. Скажи папе, чтобы быстро шел в штаб, никому ничего не говори». Вероятно, то уже было известно.

Люберцы - 1944

- В нашей 18-ми метровой комнате была печка, в которой мама ухитрялась даже пироги печь, с фасолью. Чай пили с сахаринном. Французская булочка казалась чудесным лакомством, а белый хлеб с маслом и сахаром просто роскошью. Так жила и питалась семья человека, занимавшего генеральскую должность! Что говорить о других! Первые послевоенные годы страна голодала. Так что нам было грех жаловаться. Многие лётчики жили очень плохо, часто на частных квартирах, нередко у колхозников. Бывало, что хозяйева приносили в дом телёнка или поросёнка, т.к. зимы тогда, не в пример нынешним, были очень холодными. Папа переживал из-за того, что офицеры с семьями живут в таких условиях, но квартир не было.
- . За 10 школьных лет я сменила 7 школ!

С мамой и сестрой, Энгельсиной Саввишной,
1945, Люберцы

Людмила Васильевна Маркова, 13 лет

22 июня 1941

- Мы, дети, собирали букеты полевых цветов, которые в обилии росли на запретной полосе водоканала, и бросали их красноармейцам, ехавшим, как правило, в товарных вагонах с широко открытыми дверями. Они были веселы, пели песни и махали нам руками, ловя наши цветы. Всем тогда казалось, что мы скоро победим немцев.
- Это был искренний патриотический порыв, который охватил большие массы людей, в том числе образованных и живущих в крупных городах.

Эвакуация в Екатериновке, Куйбышевский район

- Однажды в большой мороз наше с мамой одеяло к утру примерзло к стене, которая отпотела...
- Помню, как с увлечением читала роман Сервантеса о Дон Кихоте, вода по страницам коптилкой. А весной на чердаке дома, куда меня заманило любопытство, я обнаружила пыльную кипу тонких дореволюционных журналов в мягкой обложке. Среди опубликованных в них произведений я нашла «Войну и мир» Л.Н. Толстого!
- Большое впечатление на меня произвело пение песен под гармонь на вечерних прогулках молодежи по улицам села. Знакомые песни пелись обязательно на два голоса.... Гуляли одни девушки..
- Похороны маленькой девочки с элементами церковного обряда
- Красный угол с иконами
- Я научилась добела отскребать грязь с некрашеного пола большим ножом (косырем). Пололи сорняки в колхозе

Август 1943 – в Москву

Позднее я узнала, как драматично повлияла война на судьбы трех моих одноклассников из 327-й школы и их родителей. С семьей одного из них дружили мои родители. В отпуск эта семья поехала к родственникам на Украину и оказалась в оккупации. Они разделили участь многих тысяч людей, отправленных в Германию на принудительные работы.

- .

День Победы

- Мы с отцом пошли на Красную площадь. Никто нас не звал, это был зов души, как и у тысяч москвичей. Мы жили на Покровке, по которой в обычное время ходили семь трамваев. Теперь по ней шел поток людей, направлявшихся на Красную площадь. Дошли пешком. Площадь была запружена людьми, среди которых были и военные. Их подхватывали и качали. Один офицер купил у мороженщицы несколько брикетов мороженого (оно стоило 30 рублей - деньги по тем временам немалые) и раздавал их детям. Напомню, в стране была карточная система распределения необходимых продовольственных товаров. И темно, небо расчертили перекрещивающиеся лучи прожекторов. Ликование было необычайным!

Джана Борисовна Логашова, 10 лет

- При рождении мне дали имя Биби-Рабига - согласно национальным традициям. Биби - означает уважаемая госпожа. Это как приставка к имени в знак особого расположения. А Рабигой назвали в честь ирано-таджикской поэтессы 10 века, соратницы Рубаи. В быту для простоты все звали меня просто Рая, иногда - Биби-Джан. Потом Джан превратилось в Джану.

С бабушкой и дедушкой, 1931; с родителями, 1932

Детский сад, 1933.

1938.

1941 – 1942, Ашхабад

- В конце 1941-начале 1942 гг. в Ашхабад стали приезжать эвакуированные из Москвы. Переехали также учебные факультеты Московского Университета, в частности исторический факультет. Тогда я об этом не знала, я училась во втором классе. Но, видно, уже было понимание страшной трагедии, появились раненые, не было света, хлеба, продуктов, мыла, спичек, керосина, появились карточки на продукты. Чтобы получить хлеб, нужно было очень рано вставать в большую очередь. Мама тяжело заболела, и ей пришлось удалить почку, работы по дому, по возможности, выполняла я. Началась другая жизнь со всеми лишениями. Внучкам рассказываю о своем военном детстве и о досадном случае, как однажды несла из магазина в узелке какую-то снедь, но в узелке была дырочка, и пока я шла содержимое узелка съела собака, которая шла следом за мной. О пропаже узнали, когда пришла домой.

- Я ходила в городской парк, читала там газеты, а потом приходила к нам во двор и рассказывала о зверствах фашистов на фронте, о газовых камерах и убийствах евреев. Мне было это близко, т.к. в Ашхабад приехало много еврейских семей из Москвы. Во втором классе к нам приехала девочка Фарберова Энна, мы с ней сидели за одной партой и подружились. Когда разрешили после разгрома немцев под Москвой семье Фарберовых вернуться в Москву, Энна уехала, мы хотели переписываться, но, видно, не случилось. Удивительно, что спустя годы, мы встретились в 1949 г. на историческом факультете.

Байрам-Али

- В Байрам-Али тоже было очень тяжело. Мой дедушка работал на Хлопковом комбинате, там гнали из хлопковых семян хлопковое масло и делали жмых для корма коровам. Мы ели хлеб с хлопковым жмыхом и, чтобы проглотить кусок хлеба, его густо натирали чесноком и смачивали арычной водой. К такому хлебу было чудесное лакомство - забирались на шелковицу и рвали тутовник. Вода в арыке была мутная, но в огражденных местах ее фильтровал мелкой галькой. Мы иногда с опаской пробирались за проволочное ограждение, чтобы набрать чистой воды.

- В 1943 году маму перевели в Москву.
- 9 мая 1945 г. я вместе со всеми ликовала на Манежной площади, мне еще не исполнилось 14 лет.
- Не помню почему, но в 6-ом или в 7-ом классе я пошла в Городской Дом пионеров на Стопани, где стала заниматься в историческом кружке. Руководил кружком Александр Феоктистович Родин. В кружке было много ребят из разных школ, у нас было раздельное обучение, и с мальчиками, практически, начала общаться только в историческом кружке. В кружке мы не только познакомились с историей Москвы, но и ходили в походы по окрестностям Подмосковья, по местам оборонительных сооружений.
- Большое внимание историческому образованию школьников уделялось еще до войны. В 1940 г. в Доме пионеров проводилась большая патриотическая работа, был создан Клуб юных историков, так же под руководством Александра Феоктистовича Родина. Среди школьников проводились конкурсные работы на темы «Знаешь ли ты родную Москву?», «Кому и за что Москва поставила памятники?», «Москва – город-герой». В 1946 г. стали проводить конкурсы в порядке подготовки к 800-летию Москвы «Москва-столица вечной славы». В Доме пионеров был Попечительский совет, который возглавлял генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Игнатьев, в Совет входили писатель Лев Кассиль, поэт Самуил Маршак, антрополог Михаил Герасимов.

Исторический кружок и поездка в Ленинград

3. Клуб юных историков. В первом ряду
в центре – А.А. Игнатъев, справа –
А. Ф. Родин. 1946 г.
4. Директор Дома пионеров В.В. Струнин
с выпускниками.

Пионерский лагерь, 1945, школа 124, 1948

Сергей Александрович Арутюнов, 9 лет

Военная атмосфера была совсем иная. Война началась, мне было 9 лет. Я был очень развитой мальчик, но все-таки ребенок, конечно. Помню, как мама и бабушка в 1939-1940-х годах молились на православные иконы с горящей лампадой за победу германского оружия. Настолько сильна была ненависть к Британии! За Версальский договор, за немецких детей, изможденных, истощенных, которые смотрели, как мимо проходят репарационные поезда со сливочным маслом в Британию. Они были рады пакту Молотова -Риббентропа. Все понимали, что он есть, но никто не думал – тогда еще не думал – потом начали догадываться очень смутно... Так что, в общем, 22 июня было неожиданностью для большинства, шокирующей неожиданностью. Все думали, что война будет, но скорее мы будем с Германией против Англии воевать, нежели с Англией против Германии. Но, к счастью, этот вариант возобладал.

- После января 1942 года диаметрально изменилось восприятие ситуации, потому что не пропагандистские «бла-бла», а реальные рассказы людей калеками вернувшихся с фронта дали понять всему советскому народу (он к этому моменту стал существовать, именно к этому – когда он понял, что такое гитлеризм).
- Во время войны изменился быт. Достали откуда-то со свалки чугунную печку, трубу вывели в окно, заменив часть стекла на железку – так, что труба проходила через комнату, выходила на веранду, и дым за верандой поднимался к небесам. На столе стояла керосиновая лампа, оплетенное медной проволокой стекло, оно треснуло, но, чтобы она не разлеталась на части, мы его, треснутое, оплели медной проволокой. При этой лампе проводили вечера.

- В Тифлисе была карточная система. Черный хлеб по карточкам. За ним в очереди приходилось стоять, но по кусочку был. До войны карточек не было.
- Продавали шмотье. Слава богу, благодаря тете Соне, шмотья было много. И на него можно было купить кукурузную муку, а иногда даже американскую тушенку.
- Иногда прилетали немецкие разведчики. Два раза сбросили маленькую бомбу куда-то на окраину. Я даже видел облако пыли, которое поднялось от взрыва этой бомбы.
- Уверенность, что удастся победить, появилась, начиная с разгрома немцев под Москвой – это был, конечно, разгром. 16 октября – день отчаяния, но на следующее утро - день надежды, который очень скоро перешел – у большинства, во всяком случае, - в уверенность.

Наталья Львовна Жуковская, 2 г. 4 мес...

Как только объявляли воздушную тревогу, мама хватала на руки меня и устремлялась в метро. Бабушка и дедушка бежали следом с сумками, в них было самое необходимое. В метро было много народу, платформы, чтобы всех разместить, не хватало, поэтому на путях ставили доски, скамьи и что-то еще, чтобы можно было сидеть и даже лежать. Мама стремилась занять место там, а я очень боялась, вдруг из тоннеля примчится поезд и нас всех раздавит. И никакие уговоры, что ничего такого быть не может, меня не успокаивали. Как ни странно, я этот детский страх помню до сих пор.

В эвакуации, в Кирове, ребенок, любимым блюдом которого в войну были оладьи из картофельной кожуры, вдруг вспомнил, что до войны он ел пирожные, конфеты, и решил перед кем-то похвастать, что в их семье они есть. И не бывало в войну, но хорошо, что все обошлось без последствий.

А еще я помню салют Победы в Москве 9 мая 1945 года. Вся наша семья, уже вернувшаяся из эвакуации, как только стало известно, что будет салют, спустилась на площадь перед Боровицкой башней Кремля к началу Большого Каменного моста. Народу видимо-невидимо, настроение праздничное, все веселятся, обнимаются, даже незнакомые целуются друг с другом. Я волнуюсь, что в толпе ничего не увижу, и дедушка сажает меня к себе на плечи. Теперь я выше всех и вижу всё-всё. И вот загрохотало и засверкало, лучи прожекторов расчертили небо. Мне радостно и страшно, страшно потому, что орудия стреляют где-то р

Даниил Давыдович Тумаркин О тамо кайе:

Автор с родителями в Железноводске. Лето 1938 г.
Из семейного архива

Второклассник с думой о будущем. 1936 г.
Из семейного архива

Автор с шотландской овчаркой Нерис 1 мая 1940 г.
Снимок сделан в квартире подружки мамы, П. Складовской

- Никогда не забуду бомбардировку вечером 27 (если не ошибаюсь) сентября. Зажигательные бомбы падали совсем близко, на соседние дома. Наша группа была немедленно приведена в полную боевую готовность. На чердак поднялись и те ее члены, кто отдыхал в своих квартирах. Всего набралось 14 человек. Быстро надели огнеупорные передники и рукавицы, распределили ведра, лопаты, щипцы и т.д.
- Около 10 часов вечера в разных частях крыши раздался громкий треск, словно камнепад: на небольшой высоте сработала кассетная авиабомба, начиненная 36 «зажигалками». Большинство из них попало в наш дом. Это были серые цилиндры длиной в 35 см, весом в 1 кг, снабженные железными, покрашенными в зеленый цвет стабилизаторами. Внутри находились «термит» (зажигательная смесь из окиси железа с алюминиевым порошком) и запал, который срабатывал после столкновения (в данном случае с крышей).
- «Зажигалки» пробили железную крышу и упали на пол чердака, покрытый слоем песка, причем их стабилизаторы отлетели в сторону. Несколько секунд цилиндры лежали тихо, затем раздавался треск, и с одной из сторон, прорвав тонкую металлическую оболочку, наружу начинала вытекать раскаленная докрасна огненная масса, от которой вспыхивали деревянные предметы, например межэтажные перекрытия, расплавлялась металлическая арматура. Наша задача заключалась в том, чтобы схватить лопатами или длинными щипцами «подарок» с неба до того, как начнется процесс горения, или в самом его начале, и бросить «зажигалку» в бочку с водой или засыпать толстым слоем песка (горение прекращалось без доступа кислорода).
- Несколько «зажигалок» удалось «утопить» еще до того, как в них начался процесс горения, другие, из которых уже стала вытекать огненная лава и разлетались в стороны красно-золотистые брызги, мы — не без риска получить тяжелые ожоги, несмотря на огнеупорные передники и рукавицы, — хватали лопатами и щипцами и бросали в бочки с водой. Если до бочки было более 10 метров, «зажигалку» быстро засыпали толстым слоем песка над ней нечто вроде маленького могильника. Так мы предотвратили пожар и спасли свой дом, не понес никаких потерь.

Генриетта Леонидовна Хить, 10 лет

- ...Не выбросить память. Все это сочится кровью. Я думаю, что не было семьи, не пострадавшей в войну. В нашем райцентре, довольно большом, не было ни одной семьи, где бы кого-то не убили бы на войне.

Саратовская область, эвакуация

- В войну было тяжело - простудили ребёнка в эвакуации, где есть нечего было. Не хватало продукта, денег, вообще всего не хватало, война же. Не каждый знает, что такое «сучье вымя». Это тотальное воспаление всех основных лимфатических желез – подмышечных, подязычных, паховых и так далее, сопровождающееся дикими болями и невозможностью движения. Я простудилась по дороге в школу, до которой мы ходили пешком на станцию Безымянная, транспорт отсутствовал. Несколько недель провела дома. Основным средством лечения от этих опухолей был Васька, крохотный поросенок, которого мама заработала в колхозе. Он был тёплый и закутанный, исполнял роль живой грелки и поднимал настроение, постоянно вопросительно похрюкивая.
- Мы его пока растили на мясо, но я боялась подумать о его судьбе. Он был очень чистоплотен, сразу определил угол для своих дел и мы с ним тесно привязались друг к другу,

Последний день войны

• Для меня самое тяжелое воспоминание – как ни странно, последний день войны – когда объявили о ее конце, который помню в деталях... Сколько всего было услышано о потерях, я видела результаты бомбежек, осиротевших детей, брошенных животных – обычный военный кошмар... В тот день стояла в очереди в магазин, там были, как всегда, женщины и два-три инвалида. Каждая обсуждала военные вести, полученные письма. Кто-то вбежал и сказал: «Бабы, бабы, объявили по радио, конец». И какой-то вопль радости был, а в следующее, буквально, мгновение - безумное рыдание, потому что все вспомнили о своих ушедших. До сих пор не могу это спокойно вспоминать – такой коллективный вопль, взрыв. Я не смогла вынести - убежала куда-то, спряталась.

- Но даже прожитые затем мною в Москве 80 лет ни на йоту не смогли ослабить память о грозных годах войны и всех ее трагических последствиях, длящихся до сих пор, и не только в нашей стране. Но нужно жить дальше, несмотря на ужасы войны.

